ЮРИДИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

© 2023 г. Д. С. Велиева*, М. В. Пресняков**

*Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина (филиал)
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Саратов*

*E-mail: ya.wds05@yandex.ru

**E-mail: presnykov1972@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.08.2022 г.

Аннотация. В статье анализируются доктринальные подходы к концепции правовой безопасности. В отечественной юридической науке правовая безопасность, как правило, рассматривается, во-первых, как безопасность права (правовой системы, позитивного права) и, во-вторых, как юридическая защищенность (защищенность правом) от различных угроз.

Между тем в первом случае практически полностью игнорируется субъектный подход к проблеме, а юридическая безопасность представляется в виде набора определенных требований к качеству закона. Во втором – понятие юридической безопасности чрезмерно расширяется, поскольку практически все сферы общественной жизни в той или иной степени охватываются правовым регулированием. С этой точки зрения под понятие правовой безопасности попадает, например, обеспечение охраны труда или уголовно-правовая охрана интересов общества и человека.

При этом оба подхода не учитывают «человеческий фактор»: человек в данном случае рассматривается исключительно как объект защиты. В этой связи правовая безопасность рассматривается как «часть» или «составляющая» национальной безопасности.

Вместе с тем существует и альтернативная точка зрения, которая разрабатывалась преимущественно в зарубежной доктрине. Согласно ей юридическая безопасность рассматривается как защищенность личности от правовых рисков. С этой точки зрения правовая безопасность предполагает отсутствие обратной силы закона, поддержание легитимного доверия и т.п. В этом смысле юридическая безопасность сближается с концептом правовой определенности.

На основе анализа научных точек зрения и правовых позиций Конституционного Суда РФ авторы приходят к выводу, что юридическая безопасность представляет собой требование фактической или материальной правовой определенности. основополагающий принцип такой материальной определенности – поддержание доверия к законодательству и действиям органов государственной власти, что предполагает не только формальный аспект отсутствия обратной силы закона, но и верификацию позитивного законодательства относительно закрепленных прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: безопасность, правовая безопасность, юридические риски, правовая определенность, законные ожидания, доверие к закону.

Цитирование: Велиева Д.С., Пресняков М.В. Юридическая безопасность и правовая определенность личности: конституционно-правовой аспект // Государство и право. 2023. № 6. С. 24–35.

DOI: 10.31857/S102694520026151-7

**LEGAL SECURITY AND LEGAL CERTAINTY OF THE INDIVIDUAL:
CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECT**

© 2023 D. S. Velieva*, M. V. Presnyakov**

*Stolypin Volga Region Institute of Management (Branch)
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov*

*E-mail: ya.wds05@yandex.ru

**E-mail: presnyakov1972@yandex.ru

Received 02.08.2022

Abstract. In this article doctrinal approaches to the concept of legal safety are analyzed. In domestic jurisprudence legal safety, as a rule, is considered, first, as safety is right (a legal system, positive law) and, secondly, as legal security (security the right) from various threats.

Meanwhile, in the first case the subject approach to a problem is almost completely ignored, and legal safety is presented in the form of set of certain requirements to quality of the law. In the second – the concept of legal safety excessively extends as practically all spheres of public life are to a degree covered by legal regulation. From this point of view the subnotation of legal safety gets, for example, ensuring labor protection or criminal protection of interests of society and the person.

At the same time both approaches don't consider "a human factor": the person in this case is considered only as subject to protection. In this regard legal safety is considered as "part" or "component" of national security. At the same time, there is also an alternative point of view which was developed mainly in the foreign doctrine. According to her legal safety is considered as security of the personality from legal risks. From this point of view legal safety assumes lack of retroactive effect of the law, maintenance of legitimate trust, etc. In this sense legal safety approaches a concept of legal definiteness.

On the basis of the analysis of the scientific points of view and legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation the authors come to a conclusion that legal safety represents the requirement of the actual or material legal definiteness. The fundamental principle of such material definiteness – maintenance of trust to the law and actions of public authorities that assumes not only formal aspect of lack of retroactive effect of the law, but also verification of the positive legislation of the rights which are rather affirmed and freedoms of the person and citizen.

Key words: safety, legal safety, legal risks, legal definiteness, lawful expectations, trust to the law.

For citation: Velieva, D.S., Presnyakov, M.V. (2023). Legal security and legal certainty of the individual: constitutional and legal aspect // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 24–35.

Правовая безопасность и безопасность права

В отечественной доктрине права была высказана точка зрения, согласно которой в качестве объекта юридической безопасности рассматривается либо сама существующая система права, либо национальная правовая система.

Так, Б.В. Дрейшев предлагает понимать под правовой безопасностью состояние защищенности права самого по себе: «В первую очередь, на наш взгляд, необходимо устранить незащищенность самой правовой системы»¹. Он видит два аспекта постановки вопроса о правовой безопасности: во-первых, обеспечение защищенности непосредственно правовой системы и ее развития; во-вторых, защищенность посредством этой правовой

системы национальных интересов в различных сферах (экономической, военной и т.п.). Человек же в системе данных приоритетов участвует весьма опосредованно – в рамках различных сфер национальной безопасности. В.В. Мамонов под правовой безопасностью предлагает понимать «состояние защищенности системы права от нарушений ее со стороны органов государственной власти и местного самоуправления, наделенных полномочиями издавать нормативные акты»².

Еще дальше идет А.Ф. Галузин, который предлагает, что уместно говорить о правовой безопасности позитивного права и правоприменения: «Идея правовой безопасности является принципом обеспечения безопасности позитивного

¹ Дрейшев Б.В. Правовая безопасность и проблемы ее обеспечения // Правоведение. 1998. № 2. С. 11–19.

² Мамонов В.В. Правовая безопасность Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2005. № 2. С. 4.

права, правоприменения и правового качества юридического обеспечения видов национальной безопасности»³.

Как представляется, в данном отношении прав И. С. Лапаев, который отмечает, что «определение вышеназванного правового феномена [правовой безопасности] как состояния защищенности правовой системы, системы права, законодательства выдвигает на первый план не реальные правоотношения, а правовые явления, которые даже в случае их абсолютной защиты (например, в тоталитарном обществе) могут не обеспечивать должной охраны интересов всех субъектов права»⁴.

Следует заметить, что мы не отрицаем существования безопасности права или даже безопасности позитивного права, как и соответствующих проблем, связанных с некачественным, противоречивым законодательством, некорректным правоприменением и т.п. Однако все это является не целью, а средством правового регулирования — целью же всегда является человек, его права, свободы интересы, поэтому и юридическая, или правовая, безопасность прежде всего должна обозначать защищенность человека правом и в правовом пространстве.

Дело в том, что некоторые юридические понятия («правовая безопасность» или «правовая определенность») представляют собой бессубъектные предикаты. (Предикат (лат. *praedicatum* «заявленное, упомянутое, сказанное») — это утверждение, высказанное о субъекте. Субъектом высказывания называется то, о чём делается утверждение.) Иными словами, это определения без определяемого. Нет правовой определенности или правовой безопасности самих по себе — есть лишь правовая безопасность или правовая определенность чего-либо или кого-либо. При этом семантически понятия «правовая безопасность» и «безопасность права» имеют столько же общего, как и «недостаточная сердечность» и «сердечная недостаточность».

Юридическая защищенность и защищенность от юридических угроз

А. А. Толкаченко и А. А. Тер-Акопов предлагают рассматривать юридическую безопасность «как юридическую сферу безопасности личности (общества и государства) и одновременно как состояние защищенности личности (общества и государства) от угроз юридического характера»⁵. При

³ Галузин А. Ф. Правовая безопасность в системе правовой политики // Вопросы экономики и права. 2011. № 1. С. 347.

⁴ Лапаев И. С. Категория «юридическая безопасность» в понятийном аппарате российской и зарубежной правовой науки // Современное право. 2012. № 2. С. 7–11.

⁵ Толкаченко А. А., Тер-Акопов А. А. Юридическая безопасность человека в Российской Федерации // Право и безопасность. 2006. № 1, 2; см. также: Каламкарян Р. А.,

этом они отмечают, что различие между этими двумя аспектами правовой безопасности носит условный характер: «Юридическая безопасность также может рассматриваться как юридическая сфера безопасности личности (общества и государства) и одновременно как состояние защищенности личности (общества и государства) от угроз юридического характера. Последнее охватывается первым, поскольку защита от юридических угроз возможна лишь посредством использования опять-таки юридических средств, т.е. через юридическую сферу обеспечения безопасности».

Как представляется, понимание правовой безопасности как юридической сферы безопасности личности носит явно расширительный характер. Что в данном случае будет предметом такой юридической безопасности, от чего мы будем защищать человека? И здесь названные выше авторы предлагают считать таким предметом все (!) жизненно важные интересы личности: от витального до духовного. Соответственно, выделяются и виды безопасности: витальная, физиологическая, психическая, духовная и т.п. Наверное, можно говорить и о таких видах безопасности, но какое отношение они имеют к юридической безопасности? Только то, что они обеспечиваются средствами юридического характера? Но в таком случае «не юридической» безопасности не существует! Возможно, в самом широком понимании это даже и так (практически все сферы жизнедеятельности человека в той или иной степени опосредованы правом), но в гносеологическом смысле такой подход ведет в тупик — мы не сможем сформулировать собственно юридические опасности или угрозы и не сможем сформировать адекватные механизмы противодействия им. Например, выделенная авторами «витальная безопасность» предполагает, по всей видимости, защиту жизни средствами юридического характера. В связи с этим возникает вопрос: является ли убийство в качестве уголовного преступления угрозой такой безопасности? Понимая юридическую безопасность в столь широком смысле, по всей видимости, ответ на этот вопрос должен быть утвердительным. Но в таком случае и юридическая безопасность, и юридические угрозы утрачивают собственный смысл: любые угрозы, которые подлежат юридической квалификации должны рассматриваться как юридические, а механизмом обеспечения юридической безопасности по большому счету становится вся правовая система целиком!

Кроткова Н. В. Юридическая безопасность человека в России. Угрозы и вызовы в сфере юриспруденции (По материалам научно-практической конференции) // Право и политика. 2002. № 1. С. 111–125.

Все это позволяет сформулировать вывод, что правовая, или юридическая, безопасность — это прежде всего защищенность от юридических же угроз (опасностей). В определенном смысле даже можно сказать, что это защищенность человека от права, имея в виду под правом, конечно, позитивное законодательство, а не правовой идеал как «искусство добра и справедливости».

Социально-философское понимание безопасности

Следует отметить, что в социально-философской литературе предпринимаются попытки анализа понятия «безопасность» вне ее атрибутивных характеристик — «национальная», «экономическая», «экологическая» и т.п. В частности, отмечается, что схема описания различных «безопасностей» строится одинаковым образом: «Едва ли не в большинстве научных (по крайней мере как они квалифицируются их авторами) исследований в области теории безопасности “безопасность” определяется как защищенность (состояние защищенности) жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. При этом под интересами понимается, как правило, совокупность потребностей того или иного субъекта безопасности (личности, общества, государства и т.д.). Далее обычно следуют рассуждения о видах безопасности, которых насчитывается уже не один десяток... Затем наступает очередь угроз, и следует такой же список»⁶.

Основной упрек со стороны философии и социологии выдвигается по отношению к аморфному определению безопасности как защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства. При этом критике подвергаются понятия «защищенность», «жизненно важные интересы», «угрозы безопасности» и т.п.

В частности, обращается внимание, что понятие «защищенность», по существу, представляет собой квазинаучный термин, обозначающий синоним самой безопасности и вводимый для избежания тавтологии. Иными словами, понятие «защищенность» ничего не добавляет и ничто не раскрывает в термине «безопасность»: с тем же успехом можно сказать, что безопасность есть состояние безопасности жизненно важных интересов⁷. Это, однако, не совсем так, поскольку понятие защищенности переносит акцент с безопасности как отсутствия угроз (что, понятно, нереально) на защиту — действия (деятельность) по предотвращению угроз или опасностей. Вместе с тем, как

справедливо отмечается в специальной литературе, «при интерпретации безопасности как состояния защищенности становится неважно, кого и зачем защищать, поскольку эти действия превращаются в самоцель»⁸. Некоторые исследователи отмечают, что эта акцентуация не на защищаемом, а на защитнике, на деятельности третьего лица, защищающего интересы субъекта, имеет «исторические корни» и «восходит к дефиниции “государственная безопасность”, которая определялась как состояние защищенности Советского государства от внутренних и внешних угроз»⁹. С подобным «политизированным» пониманием безопасности связаны существенные правовые риски: «Из преобладающего “охранительного” уклона объективно следует антидемократичность внутренней политики, которая несет в себе угрозу перерастания в тоталитаризм, поскольку органы государственной власти могут без особых сложностей переместить акценты в “охранительности” с национальных интересов на собственные корпоративные потребности»¹⁰.

В этой связи предлагается акцентировать внимание не на защищенности как деятельности по обеспечению безопасности, а на самом субъекте: «Очевидно, что в действительности не бывает безопасности вообще, безопасность всегда чья-то. Поэтому к постижению безопасности нужно идти не от среды с ее опасностями, а от субъекта, о чьей безопасности мы ведем речь»¹¹.

Позитивное право в целом призвано защищать права и законные интересы граждан, а в рамках концепта «юридическая безопасность» речь идет о защите от самого закона. «Право более не выполняет функцию, которая закреплена за ним изначально, — вводить безопасность в коллективные и межличностные общественные отношения. Отныне само право может являться определенной угрозой безопасности»¹². В рамках концепта «защищенности жизненно важных интересов личности» последняя рассматривается как объект защиты, в том числе правовой. Однако человек в правовом поле является самостоятельным актором, совершающим определенные юридические

⁸ *Пишдаток М.Р.* Понятие безопасности личности в социальном знании // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2011. № 1. С. 42.

⁹ *Соколова С.Н., Соколова А.А.* Феноменология безопасности: проблемы и перспективы // Вестник Полесского гос. ун-та. Серия общественных и гуманитарных наук. 2012. № 2. С. 62.

¹⁰ Там же. С. 62, 63.

¹¹ *Гриценко А.А.* Теоретико-методологические подходы к определению понятия безопасности // Вестник НГУ. Сер.: Философия. 2008. № 3. С. 88.

¹² *Матье Б., Масловская Т.С.* Проблемы принципа юридической безопасности // Журнал Белорус. гос. ун-та. Право. 2019. № 3. С. 3.

⁶ *Иващенко Г.В.* О понятии «безопасность». URL: https://portalus.ru/modules/philosophy/rus_readme.php?subaction=s howfull&id=1108062853&archive=0215&start_from=&ucat=& (дата обращения: 11.03.2021).

⁷ См.: там же.

действия с целью удовлетворения своих потребностей и интересов. В этой схеме на смену «безопасности от чего-то» приходит понимание «безопасности для чего-то». В этой связи некоторые ученые обосновывают необходимость использования т.н. «деятельностного подхода» к пониманию безопасности: «На основе интереса субъект формулирует цель деятельности как идеальный образ желаемого результата. Для достижения поставленной цели среди наличных условий подыскиваются соответствующие средства»¹³.

Исходя из этого, безопасность рассматривается не в качестве «внешней» защищенности субъекта от малопонятных «угроз», а как определенные условия существования и деятельности субъекта, контролируемые им самим. «Находиться в безопасности — значит находиться в безопасных условиях, то есть в таких, которые субъект в состоянии контролировать в процессе своей деятельности, в процессе своей самореализации»¹⁴.

Юридическая рискология

Выше мы говорили о концепции юридической безопасности, которая сформировалась в рамках теории безопасности, которая представляет собой междисциплинарное направление фундаментальной науки и изучает состояние защищенности жизненно важных интересов человека, общества и государства от угроз природного и социального характера. В данном случае акцент делается на объекте защиты (человек, общество, государство) и предотвращении и противодействии опасностям, которые могут ему угрожать.

Вместе с тем если рассматривать человека как субъект права, т.е. самостоятельного актора правового поведения, то юридическая безопасность определяется не угрозами или опасностями, исходящими от права и способами противодействия им, а возможностью субъекта контролировать свое правовое положение, предвидеть юридические последствия своих действий и в соответствии с этим строить свое поведение. В этом подходе очевидно, что акцент смещается с «угроз» безопасности на «правовые риски», связанные с сознательными и самостоятельными действиями человека в правовой среде. Так, например, А.А. Арямов определяет риск как «сознательное волевое поведение лица, направленное на достижение правомерного положительного результата в ситуации с неоднозначными перспективами развития, предполагающее вероятное наступление неблагоприятных

последствий, повлекшее причинение прогнозируемого вреда»¹⁵.

Анализ правовых рисков и рискогенности права осуществляется с позиции другого фундаментального междисциплинарного направления науки — рискологии. Основы рискологии (понятие риска, классификации рисков, управление рисками и т.п.) были заложены в зарубежной доктрине в работах У. Бека, Н. Лумана, Э. Гидденса, А. Мола и др. В отечественной юридической науке, ориентированной на восприятие права как коррелята объективной реальности, теория юридического риска стала развиваться относительно недавно. Тем не менее можно говорить о формировании определенной отрасли юридического знания — юридической рискологии.

При этом правовой риск рассматривается в отечественной юридической доктрине по меньшей мере с позиции трех различных подходов: а) риск как угроза (К.Д. Лиховидов, В.И. Михайлов, А.А. Собчак, Б.Н. Мерезин и др.); б) риск как разновидность осознанной деятельности субъекта в условиях неопределенности и опасности (В.А. Абчук, А.А. Котик, А.А. Пионтовский) и в) как психическое отношение субъекта к совершаемым им юридически значимым действиям (В.Д. Рудашевский, В.А. Ойгензихт и др.)¹⁶.

По сути, в юридической литературе фактически сложилось два основных направления к пониманию правовых рисков. Первый из них — «объектный» — рассматривает риск в корреляции к понятию «опасность» (в нашем контексте — «правовая опасность»). Вторым можно было бы назвать субъектным, поскольку риск здесь понимается как действие субъекта в условиях неопределенности (в нашем случае — правовой неопределенности) или же психическое отношение к собственным действиям и их последствиям.

Интересно, что этимологически слово «риск» в русском языке было взято от французов, у которых слово *“risqué”* означает опасность. Французы, в свою очередь, позаимствовали это слово у итальянцев, на их языке *“risico”* означает «опасное дело». Но итальянцы также заимствовали данное слово в Древней Греции, где словом «рисикон» называли утес или скалу, которые делали мореплавание весьма рискованным делом¹⁷. Эта семантиче-

¹⁵ Арямов А.А. Общая теория риска (юридический, экономический и психологический анализ). М., 2009. С. 24, 25.

¹⁶ См. об этом более подр.: Гринева А.В. Правовые риски и их минимизация: вопросы теории // Вестник Арбитражного суда Московской области. 2019. № 1. С. 77–87; Карташов В.Н. Риски в праве или в правовой системе общества? // Юрид. техника. 2019. № 13. С. 175–179.

¹⁷ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. = Russisches etymologisches Wörterbuch; пер. и доп. О.Н. Трубачева. 4-е изд., стереотип. М., 2004. Т. 4.

¹³ Иващенко Г.В. Указ. соч.

¹⁴ Там же.

ская эволюция слова риск свидетельствует о взаимосвязи его объективной составляющей (угроза) и инициативного действия субъекта (опасное дело).

Сходным образом различное понимание правовых рисков основывается на одном и том же правовом явлении, описанном с различных позиций: понимание правового риска в субъективном аспекте, т.е. как действия субъекта в недостаточно определенной правовой среде, что характерно для зарубежной юридической доктрины. В частности, американский правовой реализм ориентирован на выявление детерминант правовой неопределенности (в том числе субъективного мнения того или иного судьи) и прогнозирование на этом материале вероятных судебных решений. Первый же подход является традиционным в отечественной теории права, где акцент делается на «объективных» характеристиках самой правовой системы. При этом совершенно очевидно, что можно выделить такие параметры этой системы, которые являются потенциально рискогенными: неопределенность закона, правовые коллизии, пробелы в праве и т.п. С другой стороны, также очевидно, что нам никогда не удастся выстроить безупречное здание права таким образом, чтобы исключить правовые риски совершенно.

Тот идеал правовой безопасности, который формулирует отечественная теория права, связан с безопасностью правовой среды и апеллирует к категории «определенность права», что является необходимым, но не достаточным условием правовой определенности. Поэтому право помимо минимизации юридических рисков (устранения дефектов неопределенности правовой системы) предусматривает специальные позитивные инструменты, позволяющие субъекту прогнозировать последствия своих действий в условиях недостаточной определенности. На это направлены институты аналогии права и закона, правовых презумпций и правовых фикций и т.п.

Субъектный подход к правовой безопасности

В отличие от принятого в отечественной доктрине «объектного» подхода к правовой безопасности, в рамках которого человек рассматривается как объект защиты государством (специально уполномоченными органами), в зарубежной юридической литературе преобладает «субъектный» подход. В соответствии с этим подходом юридическая безопасность рассматривается как определенное «качество правовой среды», обеспечивающее реализацию субъектом своих прав и законных интересов. Иными словами, акцент переносится с деятельности государственных органов по защите интересов личности на условия самореализации ей этих интересов. Это понимание близко к рассмотренному выше «деятельностному подходу» к безопасности, сформулированному в философской

и социологической литературе, в рамках которого последняя рассматривается как возможность субъекта контролировать условия своего существования и своей деятельности.

Белорусский ученый Т.С. Масловская обращает внимание, что во франко- и англоязычных публикациях термин «юридическая безопасность» употребляется синонимично понятию «правовая определенность». «Так, во французской правовой доктрине и правоприменительной практике употребляется термин “*securité juridique*”, переводимый одновременно как юридическая безопасность и как правовая определенность»¹⁸.

В англоязычной литературе «правовая безопасность» (*legal security*) и «правовая определенность» (*legal certainty*) используются как синонимы и являются равнозначными переводами немецкого концепта “*Rechtssicherheit*”. Это понятие может переводиться с немецкого как «определенность», «безопасность», «стабильность» и «устойчивость»¹⁹.

По мнению А. Печеника, правовая безопасность или правовая определенность означает предсказуемость правовых решений²⁰.

В соответствии со сложившейся судебной практикой Федерального конституционного суда Германии «правовая безопасность означает для граждан в первую очередь защиту доверия»²¹. Немецкий исследователь П. Тидеманн отмечает: «Правовая безопасность делает возможными долгосрочные жизненные планы, которые могут быть рассчитаны с использованием действующих правовых норм, и демонстрирует пределы усмотрения, в которых каждый может организовывать свою жизнь»²².

Французский исследователь М. Бертран, рассматривая правовую безопасность как защищенность от юридических угроз, указывает: «Принципы юридической безопасности могут быть разделены на две группы в зависимости от того, содержат ли они в себе цель борьбы с небезопасностью,

¹⁸ Масловская Т.С. О понятии юридической безопасности и его использовании в зарубежных странах // Повышение качества законодательства как средство юридической безопасности: материалы Междунар. «круглого стола», 16 ноября 2018 г., Минск, Беларусь / под ред. Г.А. Василевича, Т.С. Масловской. Минск, 2019. С. 65–70.

¹⁹ Бершицкий Э.Е. Правовая определенность и оценочные категории: краткий очерк на примере составов правонарушений в различных отраслях права. М., 2021.

²⁰ См.: Pecenik A. On Law and Reason / preface by J.C. Hage. 2nd ed.: Springer Science+Business Media B.V., 2008. P. 24.

²¹ BVerfGE18, 429 [439]; см. также: 23, 12 [32]; 24, 220 [229].

²² Тидеманн П. Принцип Rechtsstaat в Германии // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире: сб. ст. / отв. ред.: В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. М., 2013. С. 279.

которая может затрагивать правовые нормы, или же они содержат цель борьбы с сомнениями в области применения нормативных актов во времени»²³. Содержательно он выделяет три группы «принципов юридической безопасности» во французском праве: а) отсутствие обратной силы; б) принцип легитимного доверия и в) доступность и понятность правовой нормы.

Как отмечает судья Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиев, «юридическая определенность — иногда называемая “юридической безопасностью” (англ. — *legal security*, франц. — *securite juridique*) — один из наиболее важных общих принципов, признанных Судом Европейского Союза. Это широкая концепция, стержнем которой является предсказуемость. Общая идея юридической определенности признана большинством правовых систем. В праве Европейского Союза она играет более конкретную роль, принимая форму различных подконцепций, оцениваемых как ее применение. Самые важные из них: отсутствие обратной силы вновь принимаемого закона (*non retroactivity*), приобретенные права (*vested rights*) и законные ожидания (*legitimate expectations*)»²⁴.

Объективный и субъективный аспекты правовой безопасности

Очевидно, что в характеристику юридической безопасности включаются разноплановые императивы: с одной стороны, определенное «качество закона»: доступность, понятность, непротиворечивость, отсутствие обратной силы и т.п., а с другой — принцип легитимного доверия как «право не быть удивленным непонятной или непредсказуемой нормой»²⁵. Уже здесь видно, что первое касается объективных характеристик правовой среды, а второе — своего рода, ассимиляции человека в этой среде. По мнению А.Н. Пилипенко, «в рамках предлагаемой логики юридическая безопасность имеет объективный аспект: ясность, стабильность и связность правовой нормы, и субъективный — материализуемый в идее легитимного доверия»²⁶.

В отечественной правовой доктрине предметом анализа, как правило, является именно объективный аспект юридической безопасности: с этой позиции называются «угрозы правовой

безопасности» или «факторы риска», охватывающие определенные дефекты правовой системы: противоречивость и неэффективность закона, неполнота и незавершенность правового регулирования, нестабильность законодательства, нарушение единства правового пространства и т.п. В зарубежной доктрине в фокусе обсуждения проблем юридической безопасности, напротив, находятся субъективные характеристики этой концепции, прежде всего предсказуемость правового регулирования и легитимное доверие к праву.

Эти два подхода к юридической безопасности имеют объективные основания, связанные с особенностями самой правовой системы. В частности, обеспечение юридической безопасности в ее субъективном аспекте требует «сильного» суда, способного в определенной степени «конкурировать» с законодателем: «Судья углубленно контролирует желаемое законодателем равновесие между требованиями общественного интереса и уважением прав индивидов»²⁷. Безусловно, такого суда (может быть, за исключением Конституционного) в Российской Федерации нет и быть не может: дело здесь не только и не столько в практической девальвации судебной власти (хотя она, несомненно, имеет место), сколько в общей ориентированности на суд как сугубо исполнительный орган. В рамках такой системы ни юридически, ни фактически суду не дано право корректировать законодательные решения (опять-таки за исключением Конституционного Суда РФ). Поэтому «центр тяжести» концепции юридической безопасности, как и правовой определенности, переносится на «качество закона».

Кстати, подобное положение дел характерно не только для России, но и, например, для Франции. А.Н. Пилипенко справедливо отмечает, что «принцип легитимного доверия не получил признания во французском праве, поскольку он не вписывается во французскую правовую доктрину»²⁸. Предназначение данного императива заключается в защите «частного интереса»: «Онтологически принцип защиты легитимного доверия имеет либерально-индивидуалистические корни. В его основе стремление оградить управляемых от гегемонии публичной власти...»²⁹. Во Франции же, как и в России, акцент делается на том, чтобы «защитить прерогативы публичной власти».

Совершенно иная ситуация сложилась в странах общего права, где суд традиционно занимает доминирующие позиции в правовой системе: рассматривая индивидуальное дело, он может не только

²³ Матье Бертран. Предсказуемость правового регулирования — конституционный императив // Повышение качества законодательства как средство юридической безопасности: материалы Междунар. «круглого стола», 16 ноября 2018 г., Минск, Беларусь / под ред. Г.А. Василевича, Т.С. Масловской. С. 71.

²⁴ Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики. М., 2002. С. 82.

²⁵ Матье Б., Масловская Т.С. Указ. соч. С. 3–8.

²⁶ Пилипенко А.Н. Принцип юридической безопасности во французском праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 4 (41). С. 647.

²⁷ Матье Бертран. Указ. соч. С. 73.

²⁸ Пилипенко А.Н. Указ. соч. С. 647.

²⁹ Там же.

постановить решение, но и установить общеобязательную правовую норму. Поэтому субъективный аспект правовой безопасности здесь приобретает доминирующее значение. Вполне возможно, что именно поэтому эти государства «не нуждаются» в конституционных судах как особых «квазиправотворческих» органах, тогда как в странах континентального права лишь благодаря последним возникло такое явление, как конституционализм, и конституции приобрели реальную значимость, перестав быть элементом «правового декора».

При этом нельзя сказать, что тот или иной концептуальный подход к обеспечению юридической безопасности «лучше» или «хуже». В отечественной доктрине излишняя «фетишизация» права приводит к тому, что оно становится «бессубъектным». Так, например, проф. В.В. Ершов полагает, что теоретически более правильным будет использование категории «определенность права», в противовес более распространенному термину «правовая определенность», поскольку определенность права рассматривается им исключительно как «характеристика только права, а не других социальных явлений»³⁰. В частности, ученый указывает, что «существуют разнообразные виды правовых категорий определенности чего-либо. Например, определенность права и определенность результатов судебного регулирования». С позиции жесткого разграничения права и «не права» он отвергает предлагаемые различными исследователями категории определенности «качества и эффективности правоприменительной деятельности», «определенности и стабильности судебного решения», «ясность порядка применения правовых норм», «уверенность в окончательности результата правоприменительной деятельности» и т.п. Очевидно, что в данной интерпретации и правовая безопасность сводится к безопасности права, человек же оказывается «за бортом» подобного правовопонимания, целиком превращаясь в объект правового регулирования.

В то же время в англо-американских правовых доктринах имеет место противоположная крайность — право становится сплошь субъективным. Американские реалисты, например, рассматривают правовую определенность как «вычисляемость» решений судьи (не суда, а именно судьи!). Например, К.Н. Левеллин, которого считают основоположником школы американского правового реализма, предлагал опираться на «чувство ситуации», определяющее, что судья примет за доказательства, исходя

из своей мудрости, знаний и опыта. «Очевиден субъективизм в выявлении судьей “типа ситуации” (*type situation*) в зависимости от индивидуального отношения к фактам. Однако именно признание этой субъективности является преимуществом подхода Левеллина, который побуждает ее изучать»³¹. В этой ситуации правовая безопасность покоится на «чувстве ситуации» судьи — «шестом чувстве» судьи, ответственном за инстинктивное нахождение «правильной нормы» для конкретной ситуации.

Вряд ли подобное отношение к юридической безопасности и правовой определенности удовлетворит юристов в странах континентального права. Так, профессор права в Университете Балтимора Джеймс Р. Максейнер предостерегает европейцев от дискуссий с американскими юристами о правовой определенности. Последняя рассматривается в США как «инфантильное желание», «детский миф», который нужно преодолеть, как человек преодолевает веру в Деда Мороза или в Волшебника страны Оз³².

Определенный компромисс между судебским активизмом и «всесилием закона» при обеспечении юридической безопасности и правовой определенности государства континентального права нашли в деятельности конституционных судов и Европейского Суда по правам человека. Современная модель конституционного правосудия, которая сильно отошла от представлений о ней во времена Г. Кельзена, породила такое явление, как конституционализм, и сформировала «живые» или фактические конституции. В этом смысле многие правовые концепции, включая правовую определенность и правовую безопасность, были рождены не на бумаге («бумажные нормы»), а в недрах интерпретативной деятельности конституционных судов.

Принцип правовой безопасности и его ограничения в решениях Конституционного Суда РФ

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что законодательные механизмы, действующие в этой сфере, должны соответствовать вытекающим из ст. 17, 19, 45, 46 и 55 Конституции РФ и общих принципов права критериям справедливости, соразмерности и правовой безопасности, с тем чтобы гарантировать эффективную защиту прав и свобод человека в качестве высшей ценности, в том числе посредством справедливого правосудия (постановления Конституционного Суда РФ:

³¹ Тонков Д.Е. Американский правовой реализм: правовая определенность с позиции нормоскептиков // Правоведение. 2015. № 4 (321). С. 144.

³² См.: James R. Maxeiner Some realism about legal certainty in the globalization of the rule of law. URL: <http://ssrn.com/abstract=1230457> (дата обращения: 11.03.2021).

³⁰ Ершов В.В. Парные категории «определенность права» и «неопределенность права» // Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч. М., 2018. Ч. I. С. 28.

от 12.05.1998 г. № 14-П³³; от 11.05.2005 г. № 5-П³⁴; от 27.05.2008 г. № 8-П³⁵; от 17.10.2011 г. № 22-П³⁶).

Таким образом, Конституционный Суд РФ использует понятие «правовая безопасность» в одном ряду с концептами «справедливость» и «соразмерность» и ссылается на конкретные положения Конституции РФ, закрепляющие: обязанность государства признавать и гарантировать права человека (ст. 17); принцип юридического равенства (ст. 19); государственную защиту прав и свобод (ст. 45); судебную защиту прав и свобод, а также международно-правовую защиту (ст. 46); недопустимость умаления прав и свобод путем издания законов (ст. 55).

Это свидетельствует о том, что в качестве объекта защиты в рамках обеспечения правовой безопасности Конституционный Суд РФ рассматривает права и свободы человека. При этом согласно прямому указанию ст. 55 Конституции РФ в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина. Данное положение непосредственно закрепляет принцип юридической безопасности, защищая, предусмотренные Основным Законом права и свободы человека от их деформации в позитивном законодательстве. В данном случае речь идет уже не о формальной правовой определенности (запрет обратной силы, доступность закона, определенность правовых норм и т.п.), а о фактической или материальной определенности прав и свобод, т.е. определенности их содержательных характеристик.

Довольно часто Конституционный Суд РФ также обращается к требованию правовой безопасности, когда речь идет о соблюдении правила *non bis in idem*, которое закреплено в ст. 50 (ч. 1) Конституции РФ. Данный принцип, известный еще древнеримской юриспруденции (“*Non bis in idem*” – (лат.) «Не дважды за одно и то же»), предусмотрен многими международными соглашениями и конституциями различных государств, однако, как правило, он касается уголовной ответственности. Так, согласно ч. 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. «никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны». Статья 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод предусматривает: «Никто не должен быть повторно судим

или наказан в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое уже был оправдан или осужден в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами этого государства». В Конституции РФ также речь идет о недопустимости повторного осуждения за одно и то же преступление.

Вместе с тем Конституционный Суд РФ рассматривает данный принцип в качестве общеправового, точнее – конкретизации общеправового принципа справедливости, направленной на обеспечение правовой безопасности и правовой стабильности. В уголовном законодательстве этот принцип закреплен прямо, но Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что в силу своего общего характера именно как императив правовой безопасности он в полной мере распространяется на законодательство об административных правонарушениях³⁷.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 21 марта 2013 г. № 6-П содержится максимально обобщенная формулировка этой правовой позиции: «Повторное привлечение лица к одному и тому же виду ответственности за одно и то же деяние было бы – вопреки названному общеправовому принципу – ответственностью без правонарушения, что недопустимо в правовом государстве»³⁸. Таким образом, юридическую безопасность Конституционный Суд РФ рассматривает «в одном ряду» с правовой стабильностью применительно к положению человека в правовой системе в целом.

В этом же контексте находятся правовые позиции Конституционного Суда РФ, в которых он дает оценку возможности пересмотра судебных актов в порядке надзора с позиции правовой безопасности. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 17 июля 2002 г. № 13-П было указано, что, исходя из положений Конституции РФ и международно-правовых актов, невозможно произвольное изменение правового режима для участников уголовно-правовых отношений. В частности, поворот к худшему для осужденного (оправданного) при пересмотре вступившего в законную силу приговора, как общее правило, недопустим. Однако в том случае, когда имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах либо если было допущено существенное нарушение, повлиявшее на исход дела, принцип *non bis in idem* не препятствует повторному судебному рассмотрению. Вместе с тем Конституционный Суд РФ отметил, что законодатель должен предусмотреть точный, четкий и исчерпывающий перечень оснований для такого

³³ См.: СЗ РФ. 1998. № 20, ст. 2173.

³⁴ См.: СЗ РФ. 2005. № 22, ст. 2194.

³⁵ См.: СЗ РФ. 2008. № 24, ст. 2892.

³⁶ См.: СЗ РФ. 2011. № 43, ст. 6123.

³⁷ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 04.02.2019 г. № 8-П // СЗ РФ. 2019. № 7 (ч. II), ст. 711.

³⁸ См.: СЗ РФ. 2013. № 13, ст. 1635.

пересмотра, а также сделал вывод, что, исходя из принципов правовой стабильности и правовой безопасности, возможность пересмотра судебных актов должна быть ограничена достаточно кратким сроком.

Заключение

Правовая безопасность: формальный и фактический аспекты. С позиции юридической безопасности принцип правовой определенности обеспечивает «устойчивое положение» лица в правовой среде, защиту его прав и охраняемых законом интересов от негативных изменений этой среды, которые гражданин не мог разумно предвидеть. Формальный аспект данного принципа выражается в ряде императивов, которые защищают гражданина от злоупотребления правом со стороны государства: доступность закона, запрет обратной силы правовых предписаний, непротиворечивость правовых норм и т.п. Речь в данном случае идет о «прозрачности» и определенности «правил игры». В объективном смысле это предполагает ряд требований к «качеству закона», определенности права, которая служит необходимой предпосылкой правовой определенности, особенно в странах континентального права. Субъективный аспект юридической безопасности (правовой определенности) выражается в требовании предсказуемости закона. Согласно известной позиции ЕСПЧ, правовая норма не может считаться «законом», если она не сформулирована с точностью, достаточной для того, чтобы гражданин мог регулировать свои действия; он должен быть способен — если необходимо, с помощью соответствующей консультации — предвидеть, в разумной при тех или иных обстоятельствах степени, последствия, к которым может привести то или иное действие³⁹.

Иными словами, речь идет о том, что правовые ожидания человека как результат применения правовых норм будут оправданы. Следует отметить, что концепция правовых ожиданий (законных ожиданий) получила широкое развитие как в праве Европейского Союза, так и в национальном законодательстве входящих в него государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арямов А.А.* Общая теория риска (юридический, экономический и психологический анализ). М., 2009. С. 24, 25.
2. *Бершицкий Э.Е.* Правовая определенность и оценочные категории: краткий очерк на примере составов правонарушений в различных отраслях права. М., 2021.
3. *Гаджиев Г.А.* Конституционные принципы рыночной экономики. М., 2002. С. 82.
4. *Галузин А.Ф.* Правовая безопасность в системе правовой политики // Вопросы экономики и права. 2011. № 1. С. 347.
5. *Гринева А.В.* Правовые риски и их минимизация: вопросы теории // Вестник Арбитражного суда Московской области. 2019. № 1. С. 77–87.
6. *Гриценко А.А.* Теоретико-методологические подходы к определению понятия безопасности // Вестник НГУ. Сер.: Философия. 2008. № 3. С. 88.
7. *Дрейшев Б.В.* Правовая безопасность и проблемы ее обеспечения // Правоведение. 1998. № 2. С. 11–19.
8. *Ершов В.В.* Парные категории «определенность права» и «неопределенность права» // Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч. М., 2018. Ч. I. С. 28.
9. *Иващенко Г.В.* О понятии «безопасность». URL: https://portal.ru/modules/philosophy/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1108062853&archive=0215&start_from=&ucat=& (дата обращения: 11.03.2021).
10. *Каламкарян Р.А., Кроткова Н.В.* Юридическая безопасность человека в России. Угрозы и вызовы в сфере юриспруденции (По материалам научно-практической конференции) // Право и политика. 2002. № 1. С. 111–125.
11. *Карташов В.Н.* Риски в праве или в правовой системе общества? // Юрид. техника. 2019. № 13. С. 175–179.
12. *Лапаев И.С.* Категория «юридическая безопасность» в понятийном аппарате российской и зарубежной правовой науки // Современное право. 2012. № 2. С. 7–11.
13. *Мамонов В.В.* Правовая безопасность Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2005. № 2. С. 4.
14. *Масловская Т.С.* О понятии юридической безопасности и его использовании в зарубежных странах // Повышение качества законодательства как средство юридической безопасности: материалы Междунар. «круглого стола», 16 ноября 2018 г., Минск, Беларусь / под ред. Г.А. Василевича, Т.С. Масловской. Минск, 2019. С. 65–70.
15. *Матье Бертран.* Предсказуемость правового регулирования — конституционный императив // Повышение качества законодательства как средство юридической безопасности: материалы Междунар. «круглого стола», 16 ноября 2018 г., Минск, Беларусь / под ред. Г.А. Василевича, Т.С. Масловской. Минск, 2019. С. 71, 73.
16. *Матье Б., Масловская Т.С.* Проблемы принципа юридической безопасности // Журнал Белорус. гос. ун-та. Право. 2019. № 3. С. 3–8.
17. *Пилипенко А.Н.* Принцип юридической безопасности во французском праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 4 (41). С. 647.
18. *Пишидаток М.Р.* Понятие безопасности личности в социальном знании // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2011. № 1. С. 42.

³⁹ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Газета “Санди Таймс” против Соединенного Королевства (№ 1)» (The Sunday Times v. United Kingdom) (No. 1) от 26.04.1979 г., § 49, Series A, No. 30.

19. *Соколова С.Н., Соколова А.А.* Феноменология безопасности: проблемы и перспективы // Вестник Полесского гос. ун-та. Серия общественных и гуманитарных наук. 2012. № 2. С. 62, 63.
20. *Тидеманн П.* Принцип Rechtsstaat в Германии // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире: сб. ст. / отв. ред.: В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. М., 2013. С. 279.
21. *Толкаченко А.А., Тер-Акопов А.А.* Юридическая безопасность человека в Российской Федерации // Право и безопасность. 2006. № 1, 2.
22. *Тонков Д.Е.* Американский правовой реализм: правовая определенность с позиции нормоскептиков // Правоведение. 2015. № 4 (321). С. 144.
23. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем.=Russisches etymologisches Wörterbuch; пер. и доп. О.Н. Трубачева. 4-е изд., стереотип. М., 2004. Т. 4.
24. *James R. Maxeiner* Some realism about legal certainty in the globalization of the rule of law. URL: <http://ssrn.com/abstract=1230457> (дата обращения: 11.03.2021).
25. *Peczenik A.* On Law and Reason / preface by J.C. Hage. 2nd ed.: Springer Science+Business Media B.V., 2008. P. 24.

REFERENCES

1. *Aryamov A.A.* General theory of risk (legal, economic and psychological analysis). М., 2009. P. 24, 25 (in Russ.).
2. *Bershitsky E.E.* Legal certainty and evaluation categories: a brief essay on the example of the composition of offenses in various branches of law. М., 2021 (in Russ.).
3. *Gadzhiev G.A.* Constitutional principles of market economy. М., 2002. P. 82 (in Russ.).
4. *Galuzin A.F.* Legal security in the system of legal policy // Issues of Economics and Law. 2011. No. 1. P. 347 (in Russ.).
5. *Grineva A.V.* Legal risks and their minimization: questions of theory // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow Region. 2019. No. 1. P. 77–87 (in Russ.).
6. *Gritsenko A.A.* Theoretical and methodological approaches to the definition of the concept of security // Herald of NSU. Ser.: Philosophy. 2008. No. 3. P. 88 (in Russ.).
7. *Dreyshev B.V.* Legal security and problems of its provision // Jurisprudence. 1998. No. 2. P. 11–19 (in Russ.).
8. *Ershov V.V.* Paired categories “certainty of law” and “uncertainty of law” // Certainty and uncertainty of law as paired categories: problems of theory and practice: materials of the XII International Scientific and Practical Conference: in 3 parts. М., 2018. Part I. P. 28 (in Russ.).
9. *Ivashchenko G.V.* On the concept of “security”. URL: https://portalus.ru/modules/philosophy/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1108062853&archive=0215&start_from=&ucat=& (accessed: 11.03.2021) (in Russ.).
10. *Kalamkaryan R.A., Krotkova N.V.* Legal human security in Russia. Threats and challenges in the field of jurisprudence (Based on the materials of the Scientific and Practical Conference) // Law and Politics. 2002. No. 1. P. 111–125 (in Russ.).
11. *Kartashov V.N.* Risks in law or in the legal system of society? // Legal technology. 2019. No. 13. P. 175–179 (in Russ.).
12. *Lapaev I.S.* Category “legal security” in the conceptual apparatus of Russian and foreign legal science // Modern Law. 2012. No. 2. P. 7–11 (in Russ.).
13. *Mamonov V.V.* Legal security of the Russian Federation // Law and State: Theory and Practice. 2005. No. 2. P. 4 (in Russ.).
14. *Maslovskaya T.S.* On the concept of legal security and its use in foreign countries // Improving the quality of legislation as a means of legal security: materials of the International “Round Table”, November 16, 2018, Minsk, Belarus / ed. by G.A. Vasilevich, T.S. Maslovskaya. Minsk, 2019. P. 65–70 (in Russ.).
15. *Mathieu Bertran.* Predictability of legal regulation is a constitutional imperative // Improving the quality of legislation as a means of legal security: materials of the International “Round Table”, November 16, 2018, Minsk, Belarus / ed. by G.A. Vasilevich, T.S. Maslovskaya. Minsk, 2019. P. 71, 73 (in Russ.).
16. *Mathieu B., Maslovskaya T.S.* Problems of the principle of legal security // Journal of the Belarusian State University. Law. 2019. No. 3. P. 3–8 (in Russ.).
17. *Pilipenko A.N.* The principle of legal security in French law // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2013. No. 4 (41). P. 647 (in Russ.).
18. *Pshidatok M.R.* The concept of personal security in social knowledge // Humanities, socio-economic and social sciences. 2011. No. 1. P. 42 (in Russ.).
19. *Sokolova S.N., Sokolova A.A.* Security phenomenology: problems and prospects // Herald of the Polesky State University. A series of social sciences and humanities. 2012. No. 2. P. 62, 63 (in Russ.).
20. *Tiedemann P.* The principle of Rechtsstaat in Germany // Doctrines of the rule of law and the Rule of Law in the modern world: collection of articles / res. eds: V.D. Zorkin, P.D. Barenboim. М., 2013. P. 279 (in Russ.).
21. *Tolkachenko A.A., Ter-Akopov A.A.* Legal human security in the Russian Federation // Law and Security. 2006. No. 1, 2 (in Russ.).
22. *Tonkov D.E.* American legal realism: legal certainty from the position of normosceptics // Jurisprudence. 2015. No. 4 (321). P. 144 (in Russ.).
23. *Fasmer M.* Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols / transl. from it.=Russisches etymologisches Wörterbuch; transl. and additional by O.N. Trubachev. 4th ed., stereotype. М., 2004. Vol. 4 (in Russ.).
24. *James R. Maxeiner* Some realism about legal certainty in the globalization of the rule of law. URL: <http://ssrn.com/abstract=1230457> (accessed: 11.03.2021).
25. *Peczenik A.* On Law and Reason / preface by J.C. Hage. 2nd ed.: Springer Science+Business Media B.V., 2008. P. 24.

Сведения об авторах

ВЕЛИЕВА Джамила Сейфаддиновна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и международного права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиала) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; 410012 г. Саратов, ул. Московская, д. 164

ПРЕСНЯКОВ Михаил Вячеславович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиала) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; 410012 г. Саратов, ул. Московская, д. 164

Authors' information

VELIEVA Jamila S. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of Stolypin Volga Institute of Management (Branch) of the of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 164 Moskovskaya str., 410012 Saratov, Russia

PRESNYAKOV Mikhail V. – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Service and Labor Law of Stolypin Volga Institute of Management (Branch) of the of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 164 Moskovskaya str., 410012 Saratov, Russia